

*Я хочу посвятить эту книгу моей жене,
самой любящей и любимой девушке на свете,
которая несмотря ни на что — дождалась.
Как дождались еще десятки
тысяч таких же любящих
и любимых.*

Спасибо вам.

ТЕРРИКОНЫ — отвалы «породы», вырубленной в шахтах и сваленной грудями на землю Донбасса, ставшие местами боевых действий, такими же, как и посадки, дороги, мосты и промзоны моей родины.

ОТ АВТОРА

Все-таки треба дать немного пояснений, чтобы не вводить уважаемого читателя «в оману». В отличие от первых двух книг — события этой являются... и вот тут я хотел бы сказать «художественным вымыслом», и это будет так же неправильно, как и назвать их «мемуарами». Нет, не так. Да, львиная доля того, что относится ко второй роте сорок первого отдельного мотопехотного батальона, является происшедшим в действительности, но и остальные сюжетные линии, хотя и происходили совсем не здесь и не сейчас — тоже были ровно такими же. Я объединил несколько историй в одну, используя абсолютно реальные имена, позывные, родственные отношения и социальный статус героев — при этом поменяв место действия и, собственно говоря, время. Таким образом, я писал о совершенно типичном Донбассе и совершенно типичных Збройних Силах України образца конца пятнадцатого — начала шестнадцатого года, воевавших на этих территориях этой зимой, как воевало еще четыреста километров переднего края. Моя книга — не обо мне. Она о... а какого хера я буду рассказывать заранее? Вы увидите, о чем она.

Я хотел бы сказать спасибо всем людям, которые стали героями этой книги. Нет, вру, не всем... хотя и это вы тоже увидите.

*С уважением,
Мартин Брест,
пехота, 41 омпб/72 ОМБр.*

Кривых зеркал королевство.
От мрачной реальности бегство.
Впитал песок кровь героев.
Забыт их подвиг..
А кто я?!
Изгой?
Наивный мечтатель?
Не свой?
Немой?
Иль предатель?
Укор отары овечьей.
Их много.
Больше.
Не счесть их.
В загоне теплые стены.
И мягко стелят им сено.
Здесь есть корыто с похлёбкой.
Не надо думать. И лёгкий
Испуг почти растворился.
Кошмар!..
А был ли?!
Забылся.

А воля?!.

На воле звёзды!
И холод.
На воле вой, гарь и голод.
За волю надо вгрызаться.
Без сердца, кожи остаться.
Пройтись по углям горящим.
Себя терять, и незрячим

Идти на встречу рассвету.
Не веря — страха тут нету.
Как нет пустых обещаний.
И бесполезных прощаний.
Не просят воли у Бога!
К ней только боли дорога.
В ней только битв отголоски.
И колоски...
И этапы.
Расстрелы мамы и папы.
Враги народа.
Война.
Души поэта подмена.
И...

Неважно.

В загоне теплые стены.

*Володимир Шевченко
20.09.2019. Київ. Метро.*

#потік_свідомості

Глава 1.

МИНУС ДВАДЦАТЬ

... Каждая из этих историй могла произойти по отдельности, а могла пересечься с другими, стать частью чего-то большего. Хотя наверняка эти события, как и те, которые описаны в доброй сотне ветеранских книг — уже часть истории, истории забывающейся, вытесняемой из информпространства, хотя война еще не закончилась. Главное, помнить, что все это — выдумки воспаленного мозга автора, не имеющие, само собой, ни хрена общего с реальностью.

Конечно-конечно. Само собой.

* * *

*Декабрь 2016, Донецкая область,
Волновахский район,
1,5 км севернее околицы села Новотроицкое.*

ТАНЦОР, он же ВАСИЛИЙ. ВОП 72103.

...а на трассе никого почти и не было. Очередь машин со стороны Донецка, обычно втыкавшаяся в наше КПВВ, сегодня отсутствовала напрочь, и даже редкие, обильно парящие выхлопом легковушки не нарушали прекрасного белого безмолвия, упавшего на окрестности самого северного взводного опорного пункта в самом южном секторе «М».

Бо холодно. Минус двадцать ровно, даже градусник не врет, и при этом — ни малейшего ветерка, ни облачка, солнце заливает бесполезными, ни черта не греющими лучами невспаханное поле, КСП роты, замерзшие машины, замерзших людей, замерзший и застывший мир Донбасса. Красиво. Почти хорошо.

Вася спустил ноги с койки и пошевелил пальцами в носках. Носки были такие... эээ... «бабушкины», вязаные толстой ниткой, высокие, теплые, в этих носках хотелось переступить дома по холодному кафелю кухни, ожидая, когда булькающая кофеварка нальет в высокую чашку горячий сладкий кофе. Носки были очень домашние, и в принципе ничего домашнего вокруг больше не было.

Кунг за ночь выстыл напрочь. Рыжие «таланы» примерзли к фанерному полу, лезть в них не хотелось, волонтерская буржуйка, которой полагалось уютно полыхать, разгоняя по кузову ЗиЛа тепло, понуро подымала остывшую трубу и как бы намекала: «Нихера, дорогой мой товарищ лейтенант. Тепла не будет». Дров возле буржуйки тоже не было. И все равно — было как-то удивительно хорошо.

Вася вздохнул, еще раз покосился на ботинки и решительно откинул спальник. Потянулся к узкой дощатой наре,

закрепленной поперек кузова, ближе к кабине, и дернул за штанину «зимнюю горку». Штаны были грязноватые, но теплые, и самое главное — они были на подтяжках, высокие, они закрывали поясицу и, в принципе, были удобными. Под штанами лежала кобура. Пустая, бо пистолет был под подушкой.

— Мартиин, — равнодушно произнес Вася в пространство и завоzilся, натягивая штаны поверх пропотевшей термухи. — Мартиин.

— Не буди меня, — донеслось из-под огромного зеленого пухового спальника, грудой лежащего на соседней койке. — Я сплю. После тяжелого и ответственного наряда.

— Мартиин!

— Бля. Ну шо?

— Буржуйка згасла.

— То пальне закончилось. Заправить треба.

— То йди, наколі і заправь.

— Там холодно. — Из спальника, причем совсем не из того места, к которому обращался Вася, показалась всклокоченная голова. — И скучно.

— Мартин, йди за дровами, це бойовий наказ, тобі цілий лейтенант приказує! — Вася наконец-то натянул штаны и решительно сунул ноги в носках в берцы. Термоноски, говорят, с этими мембранными рыжими чудовищами носить надо... та где ж их взять-то? На рынке в Новотроицком чего-то не продают.

— Єслі боевой наказ — вимагаю оформіть письмово в строк двадцяти чотирьох годин, — тут же ответила голова и спряталась в спальник. — Та забезпечити всім необхідним для виконання, згідно вимог Статуту та керівних документів, — глухо донеслось вдогонку.

— Сукаааа... Навчив на свою голову. — Вася решил отодерать ботинки от пола. Ботинки сопротивлялись. — Вставай вже, знавець. Пошли хавать, полдевятого часи пробілі.

— Полдевятого? Не гоні, я в пять тока заснув.

— Не пізді, смена в четири закончилась. — Вася затоптался на месте, переступая ботинками, и начал искать глазами флис-

ку. На полке из патронного ящика, криво прибитой над головой Мартина, закачался телефон со вставленным кабелем от пауэрбанка.

— А в фейсбуке пошариться?

— А, ну тогда конечно, тогда всьо понятно. Це ж самое главное. Короче... бля, де куртка?

— На вешалке, под моей.

— А, точно... Короче! Вставай, пошли хоть каву наварім. Погода — супер.

— Не, мне нравітся ето «наварім»! Я ж буду варіть, как всегда. Може, тебе навчити? — Спальник беспорядочно ворочался, телефон угрожающе раскачивался.

— Не командирське це діло — каву варіть особовому складу, — гордо ответил командир роты и с интересом посмотрел на телефон. Подумал, протянул руку и пододвинул его поближе к краю. — Кстати. Вопрос. Почему мы с тобой на вот этом странном недосуржике разговариваем постоянно?

— Хммммм... — Мартин снова высунул голову и прищурился. Машинально пригладил волосы, заехав локтем в зеленую стенку кунга. — А ведь точно. Это, мабуть, тлетворное влияние Ярика. Заметь, у нас из двадцати человек семнадцать — русскоговорящие, но все тут же подхватывают... подхватывают этот суржик. Интересно, почему?

— Вот пойдём, поставим... поставишь каву — и обсудим. — Вася распахнул дверку. В глаза ударили лучи позднего декабрьского солнца, отражающиеся от белого-белого снега. — Красиво тут.

— Ммммм... — Мартин задумался, пожевал губами, зачем-то высунул руку и помахал в воздухе. — Не. Не пойду. Ёбала жаба гадюку. Спать хочу.

— Ладно... Пойду сам балона включить, еслі газ есть. Не скучай тут! — Командир шагнул из кузова, снег как-то очень картинно скрипнул, зашуршал, взметнулся облачком и опал невесомыми снежинками. Тишина.

— Не трогай балона, бо вграеш! — раздался крик из-под спальника. — Там вентілю пізда, тре рукой поджимать! На

буржуйке варі! Бля... Щас... Балона, балона не трогай, газ стравіш!

Вася сделал шаг, ухмыльнулся, развернулся и пнул ногой кунг. Над койкой телефон последний раз качнулся, соскользнул и, увлекая за собой белую пауэрбанку, рухнул вниз, прямо на нос Мартину. Аж слезы брызнули. Следом прилетела тяжелая пауэрбанка. Вася заржал и потопал к КСП, зачем-то прислушиваясь к этому прекрасному скрипу под ногами.

— Бля!.. Сукааа... Ну вот нахера! Я ж і так вже вставать собірався! Ууууу, мля, я тебе ето запомню!.. — раздавалось из кунга, вместе с шуршанием спальника и кряхтением. — Я тебе це так ето запомню — ти оху... І не трогай балон!

До КСП идти было аж метров двенадцать, это капитальное здание выросло как летняя пристройка ко входу в один из блиндажей. Даже с дверью. Палки, доски, волонтерские баннеры и гордость взводного опорного пункта номер семьдесят два сто три — стол в виде барной стойки. Перед столом стояли три высоких дубовых спиля, а за ним — лавка, аккуратно застеленная серым засаленным одеялом. Дальше, в углу в мерзлую землю был врыт низкий кривой столик с ноутбуком, на который была выведена картинка с камеры, стоявшей на самой верхушке террикона. Камера не работала. Буржуйка, находящаяся ровно посередине помещения, тоже.

— Мдааа... — проворчал Вася и зачем-то пнул теперь и буржуйку. — Будет интересно.

— Кто? — из-за ноутбука показалась зеленая трикотажная шапочка, натянутая на голову Феде, за ней — и сам Федя. — А. Привет, командир.

— Привет. Чего в холоде сидишь?

— А толку топить? — сказал Федя и замолчал. Федя вообще мало говорил.

— Шоб тепло було, — терпеливо объяснил Вася.

— Так... Нету ж никого. А мне не холодно.

— Логично. Хоть и странно.

Федя пожал плечами. Федя вообще был большой, сильный, постоянно молчал и... мне кажется, он был из тех людей, на

кого можно положиться. Он разбирался, делал, молча и без лишних указаний чинил то, что мог починить, и даже доливал бензин в генератор без напоминаний. Федя имел позывной «Скорпион», служил «срочку» в спецназе, не обладал чувством юмора в общем понимании этого слова, имел хороший настрел из ГП-25, РПГ разных моделей и даже ПТУР-а, да и из своего АКМ-а не стеснялся отлично попадать, и поэтому, само собой, по воле военкомата он попал служить — куда? — правильно, в пехоту. Логика назначений военкомата вообще всегда лежала за гранью понимания, но в этом случае где-то в глубине души Вася был благодарен военкому Соломенского района в Киеве именно за Федю.

— Знаешь, Скорпи, я даже в чем-то благодарен военкомату за то, что прислал нам именно тебя, — задумчиво сказал Вася и полез взгромождаться на лавку. Лавка скрипнула, но выдержала.

— Не перехвали. — Федя смутился и снова уткнулся в черный экран ноутбука. Лежавшие рации молчали.

— Тебя или военкома?

— Всех.

— Тебя-то ладно, а вот военкома перехвалить не выйдет. Потому что где-то там бездоганна военная система отбора дала ошибку, и следом за тобой мне прислали Мартина.

— Ты ж вроде сам его намутил в нашу роту... — нахмурился Федя.

— Эххх... — вздохнул ротный. — Это шутка, дорогой мой. Джоук. Надо смеяться.

— Мда, — буркнуло из-за ноута, и одновременно с этим распахнулась дверь.

— Бааааажая здоров'я, товарищі офіцери! — гаркнул, вваливаясь, Мартин и закашлялся.

— Бармен, кофе! — тут же откликнулся Вася и пощелкал пальцами. Не помогло.

— Не ори, не дома, — поморщился Мартин и начал застегивать точно такую же, как на Васе, зеленую куртку. Молния явно застряла. Мартин чертыхнулся, поднял голову и с подозрением уставился на Васю. — Ты балона не трогав?